

МИФОЛОГИЯ И ЯЗЫЧЕСТВО

В религиозно-мифологических воззрениях мордвы видное место занимают не только антропоморфные божества, в основном женские, но и зооантропоморфные предки (люди — птицы, люди — кони, люди — рыбы, люди — медведи, люди — пчелы), образы которых сохранялись в ее фольклоре, жили в «мифическое время», именуемое «кезэрень пиньге» (э.), «кезоронь пиньге» (м.), «пек умонь пиньге» (э.) «пьяк сире пиньге» (м.) «пьяк кунардонь пиньге» (м.), что в переводе на русский язык означает, «стародавний век», «древнейшее время».

В мордовской мифологии герои часто выступают в образах тотемов, регулирующих жизнь своих родовых коллективов, вещающих о будущем. Персонажи мордовских мифов словно обретают свое прошлое, становясь деревом травой, волком, медведем, уткой, конем, переходя таким образом в разряд необыкновенных людей, имеющих несколько ипостасей, т. е. превращающихся по желанию в растение, зверя, птицу. Пейзаж, образы родной природы служат не только иллюстративным фоном, на котором совершается событие, но и активным действующим лицом. Природа в мордовской мифологии не абстрактная, а местная, конкретная, связанная с бытом того или иного села. Нередко даже: называется место разворачивания событий, описывается подробно тот или иной объект ландшафта: река, лес, гора, дерево. В наиболее архаичных произведениях мордовской мифологии мир природы и человека един, а человек, наделяя природу своей сущностью, постоянно ищет в ней аналогии с человеческим бытием. Звери и птицы выступают посредниками между миром живых и миром мертвых, небесным миром и миром земным, они знают тайное, помогают людям.

Материалы языческих (дохристианских) верований мордвы имеют немаловажное значение для всеобщей истории религии, позволяя глубже осмыслить ряд общих вопросов, связанных с происхождением и эволюцией религии как особой формы общественного сознания (материальная обусловленность религиозных представлений, ранние формы религии, вопрос о возникновении идеи верховного бога, синкретизм и др.).

При ознакомлении с религиозными верованиями мордвы прежде всего обращает на себя внимание большое количество женских божеств: леса (*вирь*) — *Вирь-ава* (*ава* — женщина, мать), земли (*мода, мастор*) — *Мода-ава, Мастор-ава*, воды (*ведь*) — *Ведь-ава*, ветра (*варма*) — *Вар-ма-ава*, огня (*тол*) — *Тол-ава*, дома (*кудо*) — *Куд-ава* и т. п. Наряду с божествами в образе женщин встречаются божества и в образе мужчин, например, *Вирь-атя* (*атя* — мужчина, старик), *Мода-атя, Ведь-атя, Варма-атя, Тол-атя, Куд-атя* и др., считавшиеся мужьями женских божеств. Наши предки полагали, что божества эти могли быть как добрыми, так и злыми. По их представлениям, божества могут наделат немало бед и неприятностей, если вовремя не умиловить, не задобрить их. Они, естественно, хотели, чтобы божества были добрыми и содействовали их жизнедеятельности. С этой целью в честь божеств на предполагаемых местах их обитания, т. е. в лесах, на полях, у рек и родников, озер, в жилищах, дворах, банях, устраивались моляны, моления (*озжст*), на которых совершались те или иные жертвоприношения, воздавались молитвы (*озномат, озондомат*).

Мифы двух основных этнографических групп мордвы — эрзи и мокши — близки, хотя существуют различия в наименовании некоторых персонажей и в сюжетах. Так, верховный бог мокши — *Шкай*, демиург в дуалистической космогонии, эрзи — *Нишке*, демиург и культурный герой, заповедавший человеку труд. Нишке вместе с богом Норов-пазом или Вере-пазом и включённым в пантеон Николой Угодником изображается в народных песнях распределителем человеческих судеб (счастья, доли), сидящим на дубе — мировом дереве. В родственных отношениях с Нишке состоит громовник *Пурьгине-паз* — приёмный сын или зять бога.

Характерная черта мордовской мифологии — представления о духах — «матерях» (*ава*) явлений природы, растительности и т. п.: *вирь-ава* — мать леса, *ведь-ава* — мать воды, *Варма-ава* — мать ветра, *Мода-ава* — мать земли, *Тол-ава* — мать огня, *Норо-ава* — мать полей, Юрт-ава — мать дома, Нар-ава — мать лугов и др. (известны соответствующие мужские персонажи, *атя* «отцы»).

Шкай (морд.-мокшанск. «бог»), Оцю шкай («великий бог»), Вярде шкай («высший бог», вярде, «верхний»), Шкабаваз (паваз, «бог»), в мордовской (мокша) мифологии высший бог, демиург. Имя Шкай, возможно, родственно эрзянскому *Нишке*. Согласно мордовскому дуалистическому мифу, Шкай изначально обитал на камне (на лодке) в водах первичного океана; из его плевка в воде появился шайтан (тюрк, заимствование, см. *Шайтан*), более древний образ — птица), которому бог велел нырнуть на дно и достать земли (ср. *Нуми-Торуа* и *Куль-отыра* у обских угров, удм. *Инмара* и *Керемета* и т. п.). Шайтан, принеся земли, утаил кусок во рту, и когда по велению Шкай земля стала разрастаться на поверхности океана, часть земли стала разрывать голову шайтану. Тот выплюнул её, сотворив таким образом горы и неровности почвы. Шкай проклял шайтана, и тот стал вредить богу в деле творения: шайтан послал тучи на небо, но бог сотворил в них плодородный дождь, в горы вложил драгоценные металлы и т. д.

Нишке, Нишке-паз, Вере-паз («высший бог»), в мордовской (эрзя) мифологии высший бог. Нишке создал небо и землю, пустил в мировой океан трёх рыб, на которых держится земля, насадил леса, сотворил человеческий род (эрзян), повелел мужчинам заниматься земледелием, женщинам — домашней работой. Нишке — глава пантеона: он собирает всех богов на пир под яблоней. У Нишке две дочери (Кастарго и Вецорго), которых призывают в заговорах от болезней, и жена Нишке-ава. Нишке женит сына (иногда — *Пурьгине-паза*) на земной женщине (Азравке), он поднимает её на небо в серебряной люльке. На небе у Нишке семь амбаров: в одном — дед Мороз (Мороз-атя), в другом — дед Мясина, в третьем — пятница, в четвёртом — воскресенье, в пятом — зима, в шестом — лето, в седьмом, который не велено открывать Азравке, видна земля с родителями невестки. Нишке в народных песнях предстаёт сидящим на дубе с богом плодородия Норов-пазом и Николой (Николай Угодник) и раздающим людям счастье. Нишке молили об урожае, о здоровье людей и скота, поминали в заговорах.

Пурьгине-паз, в мордовской (эрзя) мифологии бог грома. Имя и образ Пурьгине-паза возникли под влиянием балтийской мифологии (ср. балт. *Перкунаса*); под воздействием христианства Пурьгине-паз приобрёл некоторые атрибуты Ильи-пророка: он разъезжает по небу на колеснице, запряжённой тремя огненными конями, колёса колесницы высекают молнии (иногда молнию представляли в виде самостоятельного божества — Ендол-паза). В левой руке Пурьгине-паза — гром, в правой — дождь. У мордвы-мокши громовник — Атам. Вооружённый луком-радугой и каменными стрелами, он преследует шайтанов, которые его передразнивают.

Вирь-ава (вирь, «лес»; ава, «мать», «женщина»), в мордовской мифологии дух, хозяйка леса. Человеку показывается редко, имеет вид обнажённой длинноволосой, иногда одногой женщины, с грудями, переброшенными через плечи. Может вывести заблудившегося лесу (после необходимой молитвы) или наоборот запутать дорогу, защекотать до смерти; уходить от неё нужно пятясь назад, тогда она не разберёт, куда

ведут следы. Соответствующий мужской персонаж — вить-атя (морд. атя, «старик», «мужчина»): к нему обращаются мужчины с просьбой о помощи в мужских промыслах, тогда как женщины просят Вить-аву показать, где больше грибов, ягод и т. п.

Ведь-ава (морд. ведь, «вода», ава, «мать, женщина»), в мордовской мифологии дух, хозяйка воды. Каждый источник имел свою Ведь-ава (по некоторым поверьям, и мужского духа — ведь-атя, от морд. атя, «старик, мужчина»). Ведь-аву представляли в виде обнажённой женщины с длинными волосами, которые она любит расчёсывать. Она и ведь-атя могут утопить купающихся или наслать болезнь, которую только Ведь-ава и может вылечить (откупиться от нее можно, бросив в воду деньги, просо и т. п.); ср. представление о целебной воде ведь-пря (морд. пря, «голова», «поверхность»), которую нужно зачерпнуть, обращаясь за помощью к Ведь-аве и ведь-ате, и омыть больного. Ведь-ава считалась также покровительницей любви и деторождения: её просили о помощи невесте, молили об избавлении от бездетности. Она же посылала дождь (чтобы вызвать дождь, устраивали культовую трапезу у источника и обрызгивались водой, призывая Ведь-аву — «кормилицу»).

Варма-ава (морд. варма, «ветер»; ава, «мать», «женщина»), в мордовской мифологии дух, хозяйка ветра. Обитает в воздухе, может послать плодородный дождь, но и раздуть пожар вместе с духом огня [тол-авой](#), повалить созревший хлеб и т. п. Варма-ава считалась разносчицей болезней. Соответствующий Варма-аве мужской персонаж — варма-атя (морд. атя, «старик», «мужчина»).

Тол-ава (тол, «огонь», ава, «женщина, мать»), в мордовской мифологии хозяйка огня. Тол-ава — виновница пожаров, особенно опасная в союзе с хозяйкой ветров [Варма-авой](#). К Тол-аве обращались с мольбами об излечении от ожогов, бросали в огонь приношения.

Норо-ава, Паксь-ава, в мордовской мифологии хозяйка поля. Норо-аву молили об урожае, просили о помощи в полевых работах, оставляли для неё в поле несжатые полоски, хлеб и т. п. Считалось, что Норо-ава может испортить урожай, наказать человека солнечным ударом. Во время цветения ржи Норо-ава предвещала урожай ночным свистом, а неурожай — воплем. Она охраняла посевы, в том числе от хозяйки ветров [Варма-авы](#).

ФОЛЬКЛОР

Устное народное творчество мордвы богато, своеобразно, высокохудожественно, поэтому давно привлекло к себе внимание собирателей и выдающихся русских и зарубежных ученых. Достаточно вспомнить имена академиков В.Ф.Миллера, А.А. Шахматова, В. Штейница, профессоров А.В. Маркова, Д.К. Зеленина, П. Домокоша, П. Равилы, Х. Паасонена, написавших ряд работ по мордовскому фольклору. До недавних пор собрание материалов Х. Паасонена и его издание П. Равилой под названием «Mordwinische Volksdichtung» не имело себе равных в мордовской фольклористике. И если «Мордовский этнографический сборник» (1910 г.) А.А. Шахматова познакомил с поэзией мордвы русский народ, то книги Х. Паасонена, П. Равилы, П. Домокоша рассказывали о ней зарубежным читателям.

Естественно, что наличие богатого и активно живущего фольклора способствовало проявлению уже на первых шагах самостоятельной мордовской науки, отряда выдающихся собирателей и исследователей. Это К. Фукс, П.И. Мельников, В.Н. Майнов, А.Ф. Юртов, И.Н. Смирнов, С.В. Аникин, И.И. Дубасов, П. Никитская, в советское время — Б.М. Соколов, М.Т. Маркелов, Л.П. Кирюков, И.С. Сибиряк (Поздязев), А.И. Маскаев, Л.С. Кавтаськин, К.Т. Самородов, В.К. Радаев, Я.М. Пинясов и конечно же М.Е. Евсеев — основоположник мордовской фольклористики.

Важнейшее условие жизни фольклорных произведений — их всенародная известность и устность исполнения. Такая форма исполнения — единственная форма художественной жизни народных песен и сказок, так как и певцу, и сказочнику были необходимы зрители и слушатели.

Три особенности фольклора устность бытования, коллективность творческого процесса и вариативность — являются общими для произведений устного народного творчества любого народа. Кроме этого для мордовского фольклора присуще бытование произведений на двух языках — мокшанском и эрзянском, здесь нет героического эпоса как жанра, что объясняется историей народа, и некоторые прозаические произведения имеют стихотворные параллели: песни-сказки, предания-песни, что отмечено исследователями, например, М.Е. Евсеевым и В.Ф. Миллером.

Мордовское устное народное творчество по содержанию и назначению делится на обрядовую и необрядовую. Обрядовая поэзия сопутствует человеку на всем его пути от рождения до смерти и своеобразно выражает его душу, украшает его повседневную жизнь, наполняет ее своеобразной торжественностью. Во всех ее жанрах отразились древнейшие взгляды людей на природу и желание магически воздействовать на нее, их вера в различные мифологические существа (божества) ради благополучия в общественной и семейной жизни, особенно ради получения ежегодного богатого урожая, приплода скота и сохранения здоровья. Поэтому весь жанровый состав обрядовой поэзии тесно связан с хозяйственной деятельностью и убедительно показывает, как на самых ранних этапах развития человечества общественные и семейные обряды и заклинательные песни порождались трудовой практикой и сопутствовали ей.

Возникновение и развитие мордовского обрядового фольклора идет в общем русле развития поэзии вообще и тесно связано с трудовыми процессами. К календарно-обрядовой поэзии относятся произведения о природе и явлениях общественно-бытовой жизни, исполняемые в определенное время года. У мордвы, как и у других народов, в календарно-обрядовой поэзии нашли отражение представления человека родового строя, который находился почти в полной зависимости от природы и был бесильным перед ее непонятными и страшными явлениями. По представлениям людей того времени, все предметы и явления имели своих духов-хозяев. Человек старался подчинить эти сверхъестественные существа, расположить их в свою пользу особыми магическими приемами — действиями и словами. Так сложилась календарно-обрядовая поэзия. Обрядовые песни, которые исполнялись только в определенные дни во время традиционных праздников (озксов), в обрядовой поэзии стали бытовать как календарно-праздничные. Мордовская обрядовая поэзия содержит в себе сравнительно мало элементов христианской культуры. По форме она получила христианскую окраску, а по существу осталась языческой.

Каждый календарный праздник совершался прежде всего для того, чтобы повлиять на природу, обеспечить хороший урожай, приплод скота, достаток и благополучие семьи.

Наряду с жанрами обрядовой поэзии в мордовском устном народном творчестве богато представлены произведения необрядовые. Таковы жанры афористического

творчества, являющиеся, как и у других народов, сложным искусством народного слова. Сюда входит целый ряд афористических произведений:

Пословичные виды изречений; собственно пословицы (Э. — валмеревкст, М. — валмуворкст).

Мезе теят, секень неят — э.(Что сделаешь, то и увидишь).

Тев-ки аф содат — карге аф кодат — м. (Дело не знаешь — и лаптя не сплетешь.)
Пословицы являются преобладающими в паремическом творчестве мордвы. Пословицы-приметы:

Лопа прай — сексе сай. (Лист падает — осень идет.)

Пословицы-афоризмы:

Эряфсь фалу моли инголи, и кие аф кенери мельганза, ся фалу иляды фталу.
(Жизнь идет только вперед, и кто не успевает за ней, тот всегда отстает.)

Пословицы-максимы:

Улихть ломатть, конат эряйхть, кода панчфень еткса палакст: кяждост лама, а цебярьсна аш; синь мяльсна куцемс сембода вяри, а ляткшнихть сембода алу сяс, мес синь или тапасазь, или сязендъсазь. (Есть люди, которые живут, как крапива среди цветов: зла в них много, а добра мало; они хотят подняться выше других, но остаются ниже всех.)

Другой вид афористических произведений — каламбурно-присловичные изречения, или присловья.

Сон ваны оржа сельмот. (Экв.: Он смотрит в оба.)

Присловица:

Сон моли тоза, сонцьке аф содасы коза. (Он идет туда, сам не знает куда.)

Прибаутки:

Кирдык пряцень, кулят!

Азорсь тон улят. (Экв.: Терпи, казак, — атаманом будешь!)

Прибаутки являются острыми и (забавными высказываниями балагурного характера, употребляемыми либо непосредственно при живом общении, либо в контексте какого-либо жанра для усиления комизма и речевой выразительности.

Сказка в мордовском фольклоре — один из самых распространенных жанров. Этому способствовали географическое положение, экономическое состояние и бытовые особенности мордвы.

Известным исследователем мордовской сказки был А.И. Маскаев, автор монографии «Мордовская народная сказка» (Саранск, 1947). Он отмечал, что сказка в прошлом играла хозяйственную роль, т. е. имела производственно-магические функции. По воззрениям мордвы, богиня леса Вирява, охраняющая зверей от охотников, была страстной любительницей сказок. Поэтому в старину летом у костра, зимой у очага сказочники рассказывали сказки не охотникам, а Виря-ве, которая до того заслушивалась, что забывала об охране своего хозяйства — зверей и птиц — и даже засыпала под говор сказочников.

В мордовском фольклоре наиболее древним является эпос, в котором животные наделены чертами людей, а мир устроен подобно человеческому обществу. Герои вступают в трудовые отношения и брачные связи между собой и с человеком как равные. Основной особенностью сказок этой группы является олицетворение главных героев — зверей, птиц. Правда, одушевленные животные и растения имеются и в чудесной сказке, но там они не являются главными, они выступают в качестве второстепенных, вспомогательных персонажей.

Эпическая традиция в мордовской песне настолько сильна, что она проявляется и в лирике. Даже сравнительно поздние семейно-бытовые песни несут на себе печать эпичности. Мордовские эпические песни поются хором, как лирические. Это является их важнейшей национальной особенностью, определяющей жанровую специфику всего песенного эпоса мордвы.

Мордовские эпические песни по содержанию делятся на три группы: мифологические, балладные и исторические.

В мордовском песенном фольклоре значительное место занимают лирические песни. Если эпические произведения характерны масштабность, прохождение действия далеко от дома, необычность героев, то в лирике все слито с реалиями людей. Исследователь мордовской лирики А.Д. Шуляев пишет: «...мордовская народная лирика — это особая художественная форма отражения действительности, выражающая эстетическое восприятие внутреннего мира и внешнего облика человека, его эмоциональное отношение к жизни».

Он выделяет такие группы лирических песен: песни о мироздании и труде, песни о молодежи и любви, песни о семейной жизни, песни о рекрутчине и солдатчине, песни о переселенцах и отходниках, песни социального протеста.

ЛИТЕРАТУРА

Мордовская литература своими корнями уходит в дореволюционное прошлое. Ее первые ростки появились во второй половине XVIII века.

Первые книги о языке и быте мордвы, переводы религиозных текстов, первый букварь Авксентия Юртова, материалы экспедиций мордовского просветителя Макара Евсевьева заложили надежную основу мордовской литературы. Так называемая мордовская народная и крестьянская литература, собранная в трудах ученых Х. Паасонена и А.А. Шахматова питали и до сих пор питают своими сокровищами творчество многих авторов.

У истоков традиций мордовской профессиональной литературы находятся прежде всего произведения полупрофессиональных литераторов — воспоминания, жизнеописания Р.Ф. Учаева, В.С. Саюшкина, И.А. Цыбина, различного рода «истории» Т.Е. Завражнова и С.А. Ларионова, поэмы сказового типа И.Т. Зорина, дошедшие до современности благодаря научным усилиям русского академика А.А. Шахматова и финского фольклориста Хейки Паасонена.

Судьбы мордовских русскоязычных писателей конца XIX — начала XX в., вернее, судьбы

книг, в которые вложены их думы и чувства, складывались по-разному. последние одних, как, например, Захара Дорофеева, Дмитрия Морского и Алексея Дорогойченко, давно уже прочно вошло в активный фонд мордовской национальной литературы. Произведения других, как это случилось с наследием Степана Аникина, признание в литературе родного народа получили лишь сравнительно недавно. Книжки третьих, в свое время привлечших внимание и сочувствие современников и составивших передовую часть российской демократической литературы, полосу забвения начинают преодолевать только сейчас, в конце XX века.

На ход литературной консолидации мордовского народа отрицательное воздействие оказали и внелитературные факторы — вынужденные миграционные процессы, политические репрессии 30 —50-х годов. Репрессиям были подвергнуты лучшие мордовские писатели. В застенках сталинских лагерей погибли Ф.М. Чесноков, А.И. Завалишин, С.И. Салдин, поэт В.П. Рябов и его брат профессор-филолог А.П. Рябов, почти по 20 лет провели в ссылках и тюрьмах Я.Я. Кулдуркаев, П.И. Левчаев, В.И. Виард.

Тридцатые годы были пиком нашей мордовской литературы. Именно в эти годы проявили свой яркий талант Федор Чесноков, Яков Кулдуркаев, написал свой первый роман «Раужо палмань» Андрей Куторкин. Слово, эрзянское и мокшанское, заиграло в произведениях активно вошедших в литературу Тимофея Раптанова, Алексея Рогожина, Михаила Безбородова.

Как лучшие достижения национальной классики того периода в активный фонд мордовской литературы прочно вошли созданная по фольклорным мотивам поэма-сказка «Эрьмезь» Я.Я. Кулдуркаева, стихотворный роман о крестьянском движении мордвы XVIII в. «Ламзурь» А.Д. Куторкина, драма об участии мордвы и других народов Поволжья в антикрепостническом восстании под руководством Степана Разина «Литова» П.С. Кириллова, неоконченная поэтиче-ская трилогия о тяжелой доле женщины-мордовки, втянутой в водоворот трех революций, «Три песни, или Три века» М.И. Безбородова (были завершены две части — поэмы «Сказка-быль» и «За волю»). В русле национально-возрожденче-ского направления были созданы и поныне недооцененные, к сожалению, документально-художественные очерки М.И. Зевакина «Герюшевское восстание» и «Кузьма Алексеев».

В 1934 году, вскоре после создания Союза писателей СССР, был создан Союз писателей Мордовии. Организация литературного процесса со стороны Союза с самого начала мыслилась не как командование, а как право учить друг друга, взаимно делиться опытом. Ломка старого, созидание нового в те годы стояли на повестке дня, и организация творческого Союза писателей была яркой иллюстрацией времени. Союз поддерживал начинающих, поднимал авторитет писателя в обществе, обращая внимание власти на условия творческого труда и быта писателей. Писатели призваны были активно участвовать в духовном становлении нашего общества созданием художественных произведений, отражающих социалистическую действительность, своей жизненной позицией.

Существует мнение, что мордовская советская литература на всем протяжении своего развития была литературой социалистического реализма. В действительности же критический реализм в ней был, и по-своему он довольно отчетливо проявился, например, в рассказах о тяжелом положении мордовской сельской интеллигенции в годы революции и Гражданской войны, в частности в прозе Ф.М. Чеснокова (рассказ «Старый учитель»). О драматической судьбе крестьянства, вынужденного покидать родные земли, писал в своих рассказах «Митрей», «Очистились» и «По верному пути» А.И. Мокшони (Кочетков), трагизм братоубийственной Гражданской войны реалистически отражен в драме Ф.М. Чеснокова «Два пути», в пьесах К.С. Петровой «В летнюю ночь» и «Темная сила», в повести «Первый урок» П.С. Кириллова, события времен коллективизации оригинальное решение получили в первом варианте романа В.М. Коломасова «Лавгинов» (1940).

Довоенная редакция романа «Лавгинов» — это единственное произведение мордовской советской литературы, в котором реализм как таковой оказался несовместимым с тем, что было принято называть «социалистическим реализмом». Главного героя романа — умного остролова, человека, мечтающего жить «по правде», крестьянина Яхима Лавгинова читатель застает на страницах произведения уже вполне сформировавшимся взрослым человеком. Средствами сатиры и юмора, доходящими иногда до откровенного сарказма (сцены чтения Лавгиновым лекции о международном положении России и дисциплине труда, надувания лягушек через соломинку и др.), В. Коломасов по-своему завуалировал народное отношение к правде нового социалистического строя с его «радостным совместным трудом». Завуалированный смысл скрыт и в фамилии главного героя — Лавгинов, т. е. человек, несущий вздор и несущую. В условиях коллективизации герой писателя не находит своего места в общем строю, покидает родную деревню, уезжает в поисках лучшей доли в хлебный город Ташкент. Не сумев и там осуществить свои мечты, Лавгинов возвращается восвояси, постепенно превращаясь в пьяницу и лежебоку, и в конце концов почти полностью деградирует. Такое изображение «нового, советского человека» критикой было воспринято в штыки, и в результате роман оказался в ряду запрещенных и подлежащих изъятию. Под давлением резкой критики роман был автором переработан, и в издании 1958 года Яхим Лавгинов при активной помощи секретаря парторганизации, образа которого не было в первом издании романа, исправился, перевоспитавшись настолько, что в конце второй редакции романа он с гордо поднятой головой уходит воевать на фронт начавшейся Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война подвергла тяжелейшим испытаниям все стороны челове-ского бытия. Ни в какой другой войне не было проявлено такого единодушия и массового патриотизма, такого мужества и упорства с врагом, как в Великой Отечествен-ной войне.

С первых дней Великой Отечественной войны мордовские писатели, как и их собратья по перу других национальностей, горячо откликнулись на события, вызванные вероломным вторжением фашистов в любимое Отечество. В строй сражающихся встали мордовские писатели А. Лукьянов, С. Вечканов, П. Кириллов, А. Моро, П. Гайни, В. Радин, И. Чигодайкин, Е. Пятаев, Я. Пинясов, А. Щеглов, И. Девин, И. Чумаков, К. Абрамов, Ф. Андрианов, М. Петров, В. Радин, П. Любаев и другие. Многие из писателей отдали жизнь во имя Родины: С. Родькин, А. Рогожин, Ф. Дурнов, П. Батаев, В. Водясов, Н. Филиппов, А. Зиньков, П. Кономанин.

В те годы хрестоматийной стала героическая баллада «Гайкстак, бандура!» («Звени, бандура!») А. Щеглова, где эмоционально, с глубокой проникновенностью воспеваются беспримерный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, вставших на защиту столицы нашей Родины Москвы.

Особая тональность присуща произведениям поэта-фронтовика П. Кириллова. Все его стихи отличаются яркостью, эмоциональной насыщенностью, богатством и музыкальностью языка. Автор доходчиво, убедительно показал духовный мир наших соотечественников, всенародную веру в победу.

Искренним патриотическим чувством проникнуты стихотворения военных лет И. Кривошеева, вошедшие в сборники «Голос народа» и «Мой путь», М. Бебана «Был бы я птицей», «Герою Сталинграда», А. Мартынова «Мой товарищ», «В саду», «Эрзянский молодец», А. Мо-ро «Русь», «Бухарест», С. Вечканова «Человек-герой», «Отец»,

«Смерть шофера», И. Девина «Мать солдата», «Сад», «Письмо украинке» и других авторов.

В республиканской периодической печати с призывным пафосом прозвучали публицистические статьи Н. Филиппова, Д. Учаева, Т. Якушкина, К. Самаркина и других. Лейтмотивом их произведений стала тема защиты Родины. Публицисты стремились помочь быстрее мобилизовать все силы и энергию на разгром врага, на защиту любимой Отчизны, раскрывали человеконенавистническую идеологию фашизма, вселяли в людей веру в победу. Они писали страстно, эмоционально, образным языком.

В первое послевоенное десятилетие мордовская писательская организация пополнилась новым отрядом молодых литераторов: И. Кишняков, А. Малькин, С. Ларионов, М. Сайгин, Т. Якушкин и многие другие. Заметно окрепли мордовская литературная критика и литературоведение. Составлен первый библиографический справочник о национальных писателях, издан «Очерк истории мордовской советской литературы», выпущены значительные работы по проблемам мордовской литературы В.В. Горбуновым, Н.И. Черепкиным, Б.Е. Кирюшкиным, И.Д. Ворониным. Мордовскими литературоведами были подготовлены учебники, хрестоматии и программы по национальной литературе для средних школ и педучилищ республики.

Появился ряд произведений, ставших достоянием всеобщего читателя. На русском языке в Москве выходят сборники «Поэты Мордовии», «Стихи» П. Кириллова и многие другие. В Будапеште вышла «Антология советской поэзии», куда вошли стихотворения А. Моро, Ф. Беззубовой, Н. Эркай.

Качественно и количественно выросла мордовская поэзия. В центре внимания поэтов — злободневные вопросы современной жизни, образ воина-освободителя, органическое слияние военных событий с темой мирного труда. Образ воина-победителя в стихотворении «Прощание с полковым знаменем» И. Девина выражает благородное нетерпение сменить оружие воина на орудие мирного труда.

Этим же настроением проникнуты стихи поэтов-фронтовиков И. Шумилкина, И. Чигодайкина, А. Малькина, П. Любаева.

Широкое художественное отображение во многих стихах мордовских поэтов находит тема возвращения солдата к мирной жизни, участия его в мирном созидательном труде. Эта тематика получила глубокую разработку в стихах И. Кривошеева «Комбайнер», М. Бебана «Полевод», С. Вечканова «Знамя бригады», «Учитель», Ф. Атянина «Пахарь», Н. Эркай «Колхозный конюх», А. Малькина «Учительница», С. Платонова «Яблоня», Е. Пятаева «Хлеба высокие» и других.

В 1954 г. выходит роман И. Антонова «В семье единой», в сюжетную основу которого легли события Великой Отечественной войны, подвиг народов нашей страны на фронте и в тылу. Популярными стали его же очерки, опубликованные в журналах «Дружба народов», «Наш современник», в «Литературной газете». В 1953 г. в серии массовой библиотеки «Огонька» выпущена книга очерков И. Антонова «Разлив на Алатырь-реке» тиражом в 500 тысяч экземпляров.

Выходит роман А. Лукьянова «Валдо ки» («Светлый путь»). Главной идейно-художественной задачей автора было стремление отразить важный этап в жизни послевоенной мордовской деревни, раскрыть внутренний мир людей, сполна испивших горькую чашу как на фронте, так и в тылу.

Значительным событием в культурной жизни Мордовии стал выход в 1953 году романа Т. Кирдяшкина «Широкая Мокша», где воссоздаются события, отражающие борьбу мордовского народа за социальное и национальное освобождение в конце XIX — начале XX в.

В идейно-художественном отношении удачна психологическая драма П.С. Кириллова «Свет над дальним углом», изображающая события, связанные со строительством электростанции. Драматический конфликт пьесы отражает острую проблему и сложные ситуации во взаимоотношениях людей послевоенной колхозной деревни, когда необходимо было заново восстанавливать хозяйство, а вместе с тем и менять психологию людей, на которых трудности военного времени наложили свой отпечаток.

В ряде городов страны на сценах ставились драмы Г.Я. Меркушкина «Во имя народа», «На рассвете». Эти пьесы в 1957 г. изданы отдельной книгой.

Говоря в целом о пути развития мордовской литературы первого послевоенного десятилетия, следует отметить углубление в ней отображения жизни и борьбы народа, расширение и обогащение художественных форм, стилей и жанров. Несмотря на некоторые недостатки, она в основном правдиво отражала важнейшие процессы нашей действительности, нацеливая читателей на скорейшее восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Современная мордовская литература преемственно продолжает литературу предшествующих лет и в то же время отличается от нее многими существенными чертами: постановкой масштабных проблем, жанровым многообразием, появлением многочисленных романов, поэтических произведений крупного плана, ростом критики и литературоведения. Усилился исследовательский, аналитический характер литературы. Ощущается стремление писателей к овладению методами психологического анализа, философскому осмыслению явлений действительности, решению морально-эстетических проблем, углублению лиризма, раскрытию внутреннего мира героев. Расширяется география изображаемых событий. Эти качественные изменения, отмеченные на XIV съезде писателей Мордовии (1999), свидетельствуют о том, что литература уверенно идет вперед в своем развитии.

С большим интересом встречены читателями исторические романы К. Абрамова «Пургаз», «Олячнть кизэ» («За волю»), А. Доронина «Баягань сулейтэ» («Тени колоколов»), «Кузьма Алексеев», удостоенный главной литературной премии Финского общества М.А. Кастрена.

Значительную лепту в развитие мордовской романистики внесли и известные прозаики республики С. Ларионов («Хрустальнэ пайкт» — «Хрустальные колокола»), Т. Якушкин («Лысая гора»), А. Мартынов («Розень кши» — «Ржаной хлеб»), А. Щеглов («Кавкэсть чачозь» — «Дважды рожденный»), И. Девин («Нар-дише» — «Трава-мурава»), А. Моро («Степан Эрзя»), М. Сайгин («Давол» — «Ураган») и другие.

В значительной степени определяющей в целом состояние современной мордовской прозы сегодня является повесть. В дальнейшую разработку жанра значительный вклад внес мордовский прозаик Г. Пинясов, отличительной особенностью произведений которого является органическое сочетание лиризма с публицистичностью, основательными аналитическими началами («Пси киза» — «Жаркое лето», «Ветецесь» — «Пятый», «Мекольцесь Каргужеста» — «Последний из Каргужей»).

В современной мордовской прозе большое место начинает занимать лирико-философская повесть. К такой жанровой разновидности повести в своем творчестве обращались А. Тяпаев, А. Щеглов, Н. Эркай, В. Мишанина, С. Ларионов и другие.

Лиризм характерен также для многих рассказов и таких писателей, как И. Девин, Н.

Эркаи, М. Беоан, А. Куторкин, А. Малькин, В. Радин, Г. Пинясов, А. Соколевский, В. Мишанина и другие.

Многие писатели посвящают свое творчество детям — Я. Пинясов, Е. Терешкина, И. Девин, П. Левчаев, Ф. Андрианов, М. Петров, А. Тяпаев, Н. Мирская, Н. Голенков, В. Ивенин, А. Ежов, Т. Баргова и др. Их рассказы и стихи воспитывают в подрастающем поколении высокие моральные качества, учат доброте, трудолюбию.

Народный поэт Мордовии И. Девин как зрелый мастер сложился в послевоенные годы. Это художник большого внутреннего горения. Его лирика — «Кода парцень пандомс» («Как отблагодарить тебя»), «Земля моя» — открывает новые грани в нашей сложной, многогранной жизни, движениях человеческой души, говорит о том, что сейчас волнует людей, окрыляет их.

Талантливый поэт А. Малькин до конца своих дней оставался верен девизу открывать неизведанное в поэзии. Многочисленные находки музыкальных и зрительных образов А. Малькин подчинял раскрытию тем и мотивов современности, передаче больших мыслей и чувств.

Многоцветие поэтических красок озаряет поэзию С. Кинякина. На его счету 11 поэтических сборников, вышедших за 30 плодотворных творческих лет (с 1967 по 1997 г.).

С интересом встречены читателем сборники А. Дорониной «Чачома енкс» («Родная сторона»), «Од порань валдо» («Свет юности»), «Велев кись юты седейгам» («Дорога в село — через сердце мое»). Естественность чувства, задушевность, свежесть поэтических образов — отличительная особенность поэзии эрзянского поэта.

Художественному отображению злободневных проблем современности посвящали стихи многие поэты: Е. Тимошкин, П. Бардин, И. Кудашкин, В. Юшкин, В. Егоров, А. Громыкин, К. Тангалычев, П. Любаев, А. Норкин, В. Волков, П. Черняев, В. Гадаев, Д. Надыкин, И. Шумилкин, А. Арапов, Н. Ишуткин, В. Нестеров, В. Демин, Р. Кемайкина, В. Лобанов.

Ярким явлением последних десятилетий стала поэзия Александра Арапова, Анны и Константина Смородиных, Маризы Кемаль, Николая Ишуткина, Марии Малькиной, Полины Алешиной, Натальи Рузанкиной, Василия Федосеева.

Их творчество объединяет проникновение в духовный мир человека и вместе с тем каждый поэт неповторим и ярко своими особыми красками. В стихах А. Арапова особенно выразительно звучит тревожная нота о будущем страны, о судьбах живущих в ней людей.

Василия Федосеева, захваченного любовью, не покидает боль Чернобыля. Стихи Константина Смородина отличает внутренняя музыкальность, композиторы Мордовии нередко обращаются к его творчеству.

На новую ступень своего развития в 70 — 80-е годы поднимается мордовская драматургия, популярность которой, прежде всего, связана с именами Г. Меркушкина «Дорогой жизни», «На рассвете», И. Антонова «В добрый путь», К. Абрамова «Новоселье», «Золотые зори», В. Коломасова «Свадьба в Каракужах». Опубликовано несколько многоактных пьес: В. Пурьгине (В. Горбунова) «Валскесь кирвайсь» («Заря занялась»), С. Фетисова «Осенние звезды», П. Черняева и Н. Учватова «Кафта свадьбат» («Две свадьбы»), А. Терешкина «В то жаркое лето», Н. Трёмаскина «Вирьса аф сетьме» («В лесу не тихо»), «Велеста саф стирьхт» («Девушки, приехавшие из села») и другие. В них повествуется об историческом прошлом народа, Гражданской войне, мирном строительстве в годы пятилеток, борьбе нашего народа против немецко-фашистских захватчиков во время Великой Отечественной войны.

Различные проблемы нравственности нашли глубокую разработку в произведениях К. Абрамова «От себя никуда не уйдешь», «У каждого своя болезнь», «Гость издалека», Г. Меркушкина «Дорогой жизни», «Голубое сияние», А. Щеглова «Осторожно: плохой человек», А. Гудина «Шавя кудса ломатть» («В пустом доме люди») и других. С большим успехом идут на сцене национального театра пьесы В. Мишаниной «Кда орта лангса суви пине» («Если у ворот воет собака»), «Тят шавя, тят сала» («Не убей, не укради»).

Огромный вклад в формирование в Мордовии литературоведения как науки внесли В. Горбунов, Н. Черепкин, А. Маскаев, Л. Кавтаскин, В. Пешонова, Б. Кирюшкин, И. Инжеватов и др.

В последние годы в нашей республике выросло значительное число литературно одаренных молодых людей. Об этом свидетельствуют их успехи: книги, выпущенные всеми возможными способами (за свой счет, с помощью спонсоров), а также награды, полученные за отдельные произведения. Имена Натальи Рузанкиной, Даниила Гурьянова, Александра Бажанова (Санди Саба), Сергея Фомина, Александра Баталова, Олега Коршунова, Жанны Тундавиной и других давно известны любителям и ценителям литературы в нашей республике. А некоторых, как, например, Д. Гурьянова, лауреата Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство», публикуют в Москве.

Большинство из новых имен воспитанники Союза молодых литераторов г. Саранска, плодотворно и активно функционирующего в республике с 1996 года. Интерес вызывает творчество молодых эрзянских и мокшанских авторов: Дмитрия Таганова, Юрия Пафтина, Александра Захарова, Людмилы Рябовой, Марины Слугиной, Ольги Сусоровой, Татьяны Мокшановой, Марии Ереминой, Федора Матюшкина, Владимира Попова, Петра Кирдяшкина, Оксаны Ошкиной, Марины Окиной, Татьяны Милкиной и других. Приятно осознавать, что у Союза писателей Мордовии подрастают творческие наследники, и история его будет продолжаться.

По материалам книги «Писатели Мордовии. Биографический справочник». Составители Е.М.Голубчик, Т.С.Баргова (Саранск, 2004 год).

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Декоративно-прикладное искусство мордвы имеет древнюю историю и тесно связано с хозяйственными занятиями этого одного из наиболее древних и чрезвычайно интересных народов России. Его богатые традиции материально-бытовой культуры позволяют и ныне питать творчество молодых мастеров декоративно-прикладного искусства.

Заметно оживился интерес к декоративно-прикладному наследию мордвы в последние годы. Заметно усилился интерес к культурному наследию, и в частности, прикладному творчеству. Иностранные гости из Венгрии, Финляндии, других стран в восторге от творчества мастеров из Подлесной Тавлы. Начатое здесь замечательным самородком Н.И. Мاستиным дело принесло замечательные плоды, известные теперь во многих странах.

И еще одного самородка, воспевающего красоту народных традиций в декоративно-прикладном творчестве, открыли национально-культурные события последних лет. Это В.И. Колмыков директор художественной школы Рузаевки, внесший замечательный вклад в изучение глиняной игрушки мордвы и других народов России.

В последние годы большой вклад в популяризацию традиционной декоративно-прикладной культуры мордвы вносит музей мордовской культуры (директор Т.П. Прокина) где традиционными стали тематические экспозиции, а также коллективные и индивидуальные выставки мастеров.

Оригинальность культурно-языковой структуры мордовского этноса заключается в субэтническом построении и ее языковой бинарности, что существенным образом отражалось и на декоративно-прикладном искусстве. Эта особенность проявлялась в промыслово-хозяйственной деятельности народа и его духовной культуре.

Традиционные промыслы, одним из источников которых являлось декоративно-прикладное искусство, позволяли создавать не только предметы утилитарного назначения, но и предметы, воспитывающие людей на лучших народных традициях резьбы по дереву, плетения из коры и лозы, лепки из глины. Это были предметы детской забавы: катающиеся, двигающиеся, свистящие и музыкальные игрушки не признающие яркой окраски. Предметы детской забавы через игру способствовали выработке у детей этно-эстетической приверженности к национальным традициям декоративно-прикладного искусства.

Особенно плодотворной для восприятия декоративно-прикладных традиций была лесная зона, где, соответственно и развивались промыслы, связанные с обработкой дерева. Это выражалось в предметах быта, внутреннего и внешнего убранства жилища мордвы. В том числе наличников, фронто, конька крыши, устройства дворовых и хозяйственных построек.

Человеку свойственно стремление раскрыть себя в разных сферах деятельности. Оно дает ощущение разнообразия жизни, пробуждает к ней интерес, вносит в нее одухотворенность. Через промысловую деятельность крестьяне зачастую приобщались к искусству. Природа будила воображение, обогащала наблюдениями, оттачивала чувство красоты. На образном соответствии «природного» и человеческого формировались народные символы, отражавшие коллективные представления о мире, переживания главных событий в жизни и труде человека, то есть выстраивается своего рода цепочка в системе человек — природа — культура.

Принято считать, что промыслы внеэтничны, следовательно, не являются составляющей этносов и этнических образований. В этих суждениях есть определенная логика, но она более характерна для экономических взаимоотношений участвующих в промыслах лиц. По нашему же мнению промыслы являются составной частью системы жизнеобеспечения этноса, выражающегося в его воспроизводстве и саморегуляции через предметы и вещи хозяйственного и бытового назначения. Промыслы играли важную роль в развитии основы крестьянского хозяйства—земледелия, и занимали особую нишу в этнохозяйственном укладе крестьян Мордовии.

Промысловая деятельность по-разному сказывалась на составляющих материальной культуры и семейного быта. Продукция кустарных промыслов в большей степени воздействовала на материально-бытовую культуру, отходничество во многом влияло на структуру и функции членов семьи. Это касается не только конкретного промысловика —носителя этнических черт, но и его продукции как одной из форм этнического воспроизводства, выражающегося в предметах материально-бытового назначения. Это были, так сказать, овеянные этнические символы. Использувавшаяся в них символика отличалась своеобразием подачи и размещения этнических элементов. Этническая символика, прежде всего, была связана с желанием, сделать предмет более привлекательным. Привлекательность продукции, во-первых, выражалась в ее художественной ценности; во-вторых, в ее конкурентоспособности. Именно это заставляло мастеров-промысловиков переносить на предметы, предназначенные для реализации, все из бытового окружения, способное выделить данную продукцию. Зачастую мастер-промысловик, стремясь творчески развить этнические мотивы, вносил новые черты в культуру этноса. Важно отметить и тот момент, что мастер-промысловик, ориентируясь на инонациональный рынок, стремился использовать близкие рынку этнические традиции в видовом оформлении промысловой продукции.

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

Декоративная резьба по дереву — традиционный вид художественного творчества мужчин, наносивших орнаменты на фронтоны изб, пари — свадебные сундуки, долбившиеся из толстых липовых бревен, наличники, ткацкие станы, прялки и др. утварь. Народные традиции резьбы по дереву отразились в творчестве мордовского скульптора С.Д. Нефедова — Эрзя (1876— 1959). Украшались орнаментом предметы, окружавшие человека в его повседневной жизни. Расположение узоров, их сюжеты обычно канонизировались, мало подвергались изменениям.

Важно отметить тот факт, что в резьбе по дереву достаточно четко просматривались традиции соседствующих в Мордовии этносов, и в то же время заметны и некоторые внутриэтнические (мокшанско-эрзянские) различия.

Своеобразие домовой резьбы у мордвы, связано с конструктивными особенностями жилища. Декор так называемой самцовой конструкции избы, широко бытовавшей в начале XX в., был предельно лаконичен. Доски, украшенные резьбой, выполняли утилитарные функции, они служили для защиты выступающих торцов кровельных слег, предохраняя их от дождя и снега. В конструкцию крыши вводились доски причелины, крылья, подкрылки, украшенные резьбой. Для этой же цели к торцам верхних покатых бревен прикреплялись короткие дос-ки-«полотенца», малые подкрылки. В мокшанском с. Анаеве бывшего Спасского уезда отмечен флейгер — местное название резной доски в верхнем углу фронтона, как бы соединяющей противоположные скаты крыши. Иногда центральной формой, словно венчающей флейгер, служит стилизованное изображение человеческой фигуры, что несет следы глубокой древности, говорит о далеком прошлом языческой мордвы.

В орнаменте домовой резьбы прошлого столетия преобладали бордюры из треугольников, зигзагов, ромбов и других простейших элементов. Розетка из ромбов, круги с радикально расходящимися лучами оформляли центр фронтона избы или входы. Большинство узоров долбленные, края досок профилированы.

В присурских и прилатырских селениях Мордовии, особенно в селениях современных Ардатовского, Дубенского и Большеберезниковского районов, распространилась глухая резьба (корабельная резь). Высокий художественный уровень ее определялся непосредственным влиянием декоративной резьбы волжских судов и отражал в целом художественную культуру края¹.

Среди артелей плотников, строивших суда, были и мордовские. Одну из таких артелей, например, возглавлял Дергачев из эрзянского села Поводимова. Артели плотничьего дела работали по деревням в свободное от судостроения время, строили крестьянские избы, переносили корабельную резьбу на оформле ние домов. Но пришло время, когда из Волги, как и из других судовых рек, стали исчезать мордовские

время, когда на болоте, как и на других судамидных реках, старинные расшивы, мошанцы, коновязи, суряжи, украшенные богатой резьбой, были вытеснены паровыми судами. Оставшись не у дел, корабельные резчики уходили в деревни, расположенные вблизи рек, распространяя там искусство резьбы по дереву.

В глухой домовой резьбе преобладал растительный орнамент. Располагал его мастер-резчик в основном на лобовых досках, на границе фронтона и сруба и на досках фронтона. Главным элементом была стилизованная ветвь, плавно изгибающаяся. От нее в обе стороны отходили овальные завитки. На конце ветви и в завитках с листьями вырезали цветок или плод, виноградную кисть. Это были мотивы, характерные для русской глухой резьбы в Нижегородском крае. На ставнях дома чаще всего помещалось стилизованное изображение вазы со стилизованными же цветами (с. Поводимово). Изредка в растительный орнамент вплетались фигуры птиц, животных и вырезались год постройки, инициалы хозяина или мастера, выполнившего резной узор дома.

Глухая резьба по сравнению с трехгранно-выемчатой требовала больше труда и больше ценилась. Поскольку она была довольно дорогой, то ею украшали свои дома зажиточные крестьяне. Основная же масса населения края использовала в украшении дома несложные геометрические узоры трехгранно-выемчатой резьбы, которая бытовала на крестьянской утвари. С конца XIX века в резном уборе дома появились пропиленные украшения с детализированным рисунком, нашитом на доску. Характер орнамента здесь часто зависел от свойств дерева и еще больше от инструмента. Технология пропиленной резьбы позволяла создавать криволинейные узоры.

Говоря о внутриэтнических различиях в символике резьбы на предметах быта, необходимо отметить бытовавшие в эрзянских селениях и сохранившиеся в музейных коллекциях резные «пары», подвергавшиеся наибольшей художественной обработке. Парь—долбленая кадушка с крышкой высотой 60—90 сантиметров, диаметром 40—70 сантиметров — использовалась достаточно широко, в частности для хранения приданого невесты. Орнамент «паря» состоял из изображения гребней, антропоморфных фигур, старинных мордовских украшений, чаще всего сюгламов (застежек). Выполнялись узоры ножом, набором прямых и полукруглых стамесок и контурной резьбой. Технические приемы на «парях» свидетельствуют о высоком мастерстве и таланте резчиков.

Традиционная духовная и бытовая культура мордвы, ее народное искусство развивались в тесном взаимодействии с русской культурой под воздействием ее традиций и художественных достижений.

ПРЯДЕНИЕ

Из различных бытовых предметов продукции промысловой деятельности наиболее яркими носителями этнической символики являлись донца прялок. Особой эстетичностью и этническим русским колоритом выделялись донца прялок нижегородского Поволжья. Совсем не случайно они имеются во многих крупнейших музеях России и Европы, в том числе Русском музее (в Санкт-Петербурге) и Государственном историческом музее в Москве. Территория Мордовии, примыкавшая к выдающимся очагам традиционных художественных промыслов нижегородчины — яркими символов богатейшей русской материальной и духовной культуры, безусловно, ощущала их благотворное влияние. Большинство из отмеченных в Мордовии образцов донцев прялок несут на себе символы русской бытовой культуры. В то же время в музейных и частных коллекциях обнаружены донца прялок с мордовской этнической символикой. В частности, в этнокультурном центре мокшанского села Старая Теризморга имеется донце с яркой мокшанской символикой в виде многоярусного комплекса традиционного нагрудного бисерного украшения мокшанок, закрывавшего грудную часть от плеч до пояса. Частые бисерные низки были представлены в виде небольших ромбиков на части плоскости донца. Само же донце обозначает женскую фигуру.

ВЫШИВКА

В рабочем режиме сохранилось у нас еще одно направление декоративно-прикладного творчества мордовского народа - вышивка и изготовление комплектов или отдельных элементов традиционной женской одежды. Это в мокшанском селе Старая Теризморга Старошайговского района. Отсюда во многие страны мира, в уголки России уходят замечательные творения местных мастериц прикладного искусства.

Праздничная традиционная мордовская одежда, изготавливаемая зимними вечерами, не только передавалась по наследству, но изредка отдельные ее элементы (особенно «пулай», «пулокаркс», головные уборы «панго», «сорока», вязанные узорные чулки, лапти-семерички и т. д.) изготовлялись на заказ или на продажу. Зафиксированы случаи, когда такие элементы традиционной женской одежды передавались в качестве подарка через отходников в места проживания мордвы Заволжья.

Предметом купли-продажи являлась традиционная одежда с элементами вышивки, выполненной как мордовскими, так и русскими мастерицами. Это были женские и мужские рубахи, пояса и кушаки, головные уборы и даже обувь. Так, в Краснослободске в базарные дни в качестве товара фигурировала праздничная кожаная обувь — коты. Это были ботинки на невысоком каблучке с вязанным верхом. Верх обычно вязался из хорошей цветной шерсти и нередко фигурно украшался сукном. В селе Сивинь Краснослободского уезда данный вид обуви надевался молодой на свадьбу и назывался венчарками. И еще один любопытный факт в начале XX в. в Карсунском уезде отмечено изготовление валенок, расшитых узорами.

Вышивка также являлась предметом самостоятельной промысловой деятельности. Особым разнообразием выделялась мордовская вышивка. Богатство традиционной вышивки мордвы даже стало предметом исследования финского ученого А. Хейкеля, который сто лет назад издал на немецком языке свой труд и показал всему миру культуру одного из крупнейших финно-угорских народов через такой сложный элемент украшения одежды, как вышивка.

Многосоставная, с обилием различных украшений, разнообразием вышивки одежда была неповторимо колоритна и красочна. Украшая ее, мастерицы собирали и сохраняли многовековой опыт вышивальных традиций, отбирали лучшие орнаментальные мотивы.

Для набоечного промысла (изготовление головных платков, полотенец и др. продукции) были характерны русские мотивы. Начиная от досок-шаблонов с крупным рельефом, похожим по характеру на глухую корабельную резьбу, кончая мотивами рисунков, где угадывались силуэты цветов, виноградных листьев, изображения пышногрудых петухов или графические узоры стеблей, побегов, прожилки, бликов, бордюров геометрического орнамента. По традициям ярмарочной культуры продукция набивного промысла включала надписи типа: «На память», «Кого люблю, тому дарю». Данные виды промысловой продукции были особенно популярны вплоть до 20—30-х годов XX в. у русского населения края.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО

Гончарный промысел Мордовии также не был лишен этнической символики. На большинство сосудов наносился геометрический орнамент, напоминающий древний ямочно-ребенчатый. Особый интерес представляют отдельные экземпляры продукции шишкеевских мастеров — так называемая задымленная керамика, более характерная для мастеров села Сухой Карсун Карсунского уезда. Но если у сухокарсунцев это были крупные сосуды для зерна, то у шишкеев-цев были и обычные крынки, и небольших размеров кувшины. Данная продукция отличается необычной красотой форм, пропорциями и цветом. Наиболее ярким этническим элементом продукции гончаров являлись глиняные игрушки. На потеху ребятишкам гончары-промысловики делали игрушку-свистульку, в которой варьировались традиционные мотивы русской народной игрушки: всадники, птицы, барышни. Соседство с мордовским населением, его красочные костюмы если не прямо, то косвенно влияли на колорит местной русской игрушки и на все гончарное ремесло.

Для мордовских промысловиков было характерно своеобразное переплетение христианских традиций с остатками язычества. Особой обрядовой яркостью отличалась заготовка лыка и березовой коры для изготовления туесков и т. д. У мордвы эта работа начиналась с моления, обращения к покровительнице, держательнице леса Виряве с просьбой о разрешении вторгаться в пределы ее владений.

Источники:

Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. редкол.: Н.П. Макаркин, А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин, и др. — Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 2004. — 992 с.